

Новая Польша 1/2015

0: НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ?

«Здесь лгать — значит заботиться об обществе,

а говорить правду — это разваливать Государство».

«Молчание страшнее самого несчастья».

Кюстин, «Письма из России», 1839 г.

Может быть, сильнее всего при встрече с приезжими из Польши меня поражает то, что я нахожу у них не только все те же проблемы, но и все ту же неуспокоенную, неразрешимую, наоборот, яростью только усиленную одержимость теми же самыми вещами. Война, немецкая оккупация, пятнадцать лет Народной Польши, Октябрь кажутся в этом контексте событиями сравнительно поверхностными.

Годы, проведенные в настолько разных условиях, что должны бы были проложить между нами пропасть, если и правда быт, и только быт, определяет сознание, скорее продемонстрировали нам постоянство. Постоянство не только самого существенного — как для людей в Польше, так и для тех, у кого, как писал Мицкевич, «подошвенная география и политика», потому что они «вытоптали немало стран» — но и постоянство рефлексов, травм, всего того, что нас закрепощает, создает ту самую *morale clause*, отрезающую ото всего отличного, другого.

*

В «Бесчеловечной земле» я писал о моем разговоре в 1919 году со Стасовой, членом триумvirата Северной коммуны, в ее комнате-камере в Смольном в Петрограде.

По пути к ней в залах, через которые я проходил, меня окружали стопки пропагандистских брошюр на тему колхозов.

«Верите ли вы в советскую пропаганду колхозов в деревне?» — спросил я. Стасова посмотрела на меня так, как человек веры смотрит на бедного Фому неверующего. «Бытие определяет сознание, мы изменили бытие, *идея насаждается*